

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-159-165

© А. В. Сысоева

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ В ЛЕНИНГРАДЕ НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ: НОВЫЙ МЕТОД РАБОТЫ С ПИСАТЕЛЯМИ*

Советское государство зародилось в процессе войны и революции. С установлением новой власти военные столкновения не прекратились, а в мирные периоды шла подготовка к войне. Государству была необходима решимость граждан в случае военного конфликта повысить темпы производства или пойти на фронт, так что важной задачей являлось обучение военных пропагандистов. Особое внимание было уделено профессиональным писателям, произведения которых обладали высоким потенциалом воздействия на читателя. Существующее к началу 1930-х годов положение дел не устраивало советскую критику — отмечались «ошибки и нездоровые тенденции» художественных текстов о конфликте 1929 года на Китайско-Восточной железной дороге.¹

Изменению ситуации должно было служить создание 29 июля 1930 года Литературного объединения Красной армии и флота. Первая зафиксированная в Уставе цель организации заключалась в «пропаганде в художественной форме задач обороны страны, мобилизации вокруг этих задач общественного мнения и активности трудящихся СССР».² Инициатива создания объединения принадлежала писателям и военным Ленинграда и Кронштадта, причем ведущая роль в организации принадлежала военным писателям, связанным с политуправлением армии. 15 августа 1930 года объявило о своем появлении Ленинградско-Балтийское отделение. Идеолог организации, заведующий критическим сектором Ленинградско-Балтийского отделения, а позднее ответственный секретарь отделения Николай Григорьевич Свириин сообщил в своем докладе во время учредительного собрания, с кем будет работать объединение: «...с одной стороны, мы имеем высококвалифицированных советских писателей, большинство которых армии не знают, об армии не пишут. С другой стороны, мы имеем многочисленные отряды молодых, начинающих писателей в Красной армии и Красном флоте, которые знают армию, выросли в этой армии, пишут об армии, но, к сожалению, в основной своей массе не овладели еще художественным мастерством.

Одна из основных задач ЛОКАФ как раз и будет заключаться в том, чтобы *сжечь эти ножницы с обоих концов*».³

Организация стремилась к тому, чтобы в произведениях о войне соединились три составляющих — идеологическая верность линии партии, военная грамотность и художественная ценность. Обучение красноармейцев и краснофлотцев шло по отработанной другими литературными объединениями схеме: открывались литературные кружки, функционировала литературная консультация. Члены кружков снабжали материалом стенгазеты частей и кораблей.

Профессиональные писатели должны были наполнить советскую литературу произведениями о войне, армии и флоте, а в случае начала военных действий предпола-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-00104 «„Задача писателя — укрепление обороноспособности страны“: институализация военной литературы в Ленинградско-Балтийском отделении Литературного объединения Красной армии и флота»), ИРЛИ РАН.

¹ Свириин Н. Г. Основные теоретические проблемы ЛОКАФ // Залп. 1931. № 2. С. 48.

² Временный устав Литературного объединения Красной Армии и Флота // ИРЛИ. Ф. 498 (ЛБО ЛОКАФ). Фонд находится в научно-технической обработке.

³ Доклад был опубликован в виде статьи: Свириин Н. Художественное слово на службу обороне // Залп: Литературно-художественный сб. красноармейского и краснофлотского творчества. Л., 1930. [Сб. 4:] Четвертая очередь. Сентябрь 1930. С. 5.

галось, что они станут обслуживать крупные газеты Ленинграда. Кружки и консультации для начинающих не отвечали цели обучения писателей.

В марте 1931 года Ленинградско-Балтийским отделением был предложен такой способ работы с писателями, как военизаторские курсы. Целью курсов стало повышение военной и политической грамотности писателей. Всего с апреля по июнь 1931 года должно было пройти 11 вечерних занятий. Летом на маневры, в части и лагеря собирались отправить гражданских писателей, в первую очередь выпускников курсов.

Самым сложным по организации и результативным для обучения было проведение в рамках курсов военно-писательской игры. Идея такого вида работы была предложена Вс. Вишневским 7 марта 1931 года во время первой конференции Ленинградско-Балтийского отделения: «Нужно проводить специальные занятия по военно-политической литературной игре. Собралась группа в 6 человек — в течение двух часов дивизионную газету, листовку, пожалуйста, в течение суток — журнал, в течение полудня — листовку, в расчете на такой-то состав. Тут-то мы и будем проверять работу».⁴ Не основной, но постоянной темой всех трех дней конференции было осуждение пьесы Вишневого «Последний решительный». В ответ автор говорил о скорости написания произведения (3 дня) как о его значимой положительной стороне: «Вы говорите, что нельзя написать пьесу в три дня. А вот, в первый же день мобилизации меня заставят написать пьесу в одни сутки. Я уже работал таким образом в 19-ом году. Меня посадят на банку консерв на ночь и скажут — „дай“, и я лопну, но дам».⁵ Так что Вишневский, ставший вскоре начальником сектора военизации и начальником военизаторских курсов, считал высокую скорость обязательным качеством работы военного писателя. Игра была заявлена как один из видов занятий: вслед за шестой встречей с лекцией «Печать СССР и оборона. Ленин о печати» следовала седьмая с первым ходом игры, а девятая встреча включала в себя как лекцию «Работа писателя в период мобилизации. Характер современной мобилизации», так и проведение второго хода игры, посвященного обслуживанию мобилизации в крупном центре. Затем план был скорректирован. Игра должна была завершить курс лекций, следуя за ним как практическая часть за теоретической. Хотя игра и проходила в рамках курсов военизации, ее автономность выражена в хронологической отделенности, а также в том, что к ней были привлечены не только слушатели курсов. Состав играющих не был постоянным, обе игры посетил меньше половины общего количества участников. Проведение игры виделось важным шагом по военизации советской литературы, потому участвовать в ней призывали всех писателей Ленинграда.

Идея проведения игры не являлась абсолютно новой, военно-журналистские игры, созданные на базе военных игр, уже проводились ранее, хотя и не стали массовым явлением. Первая военно-корреспондентская игра была организована весной 1926 года в Ленинградском военном округе. В 1928 году военно-журналистская игра прошла в Государственном институте журналистики в Москве, причем вышли в свет печатные газеты (корпусная и прифронтовая гражданская). В 1929 году этот опыт был повторен в «Рабочей газете» в Москве с участием почти всего коллектива сотрудников, что вылилось в издание дублированных номеров корпусной и прифронтовой гражданских газет. Затем была проведена игра в Белорусском военном округе.

Опыт организации нескольких военно-журналистских игр был обобщен в книге А. Кадишева «Журналист на войне».⁶ Автор описал сложные варианты с посылкой

⁴ Первая конференция Ленинградско-Балтийского отделения Литературного объединения Красной армии и флота. Стенограмма третьего заседания // ИРЛИ. Ф. 498.

⁵ Там же (стенограмма второго заседания).

⁶ Кадишев А. Журналист на войне. Содержание, организация и проведение военно-журналистских игр / Предисловие Ф. Я. Кона. М.; Л., 1930. Появлению идеи военно-писательской игры также могло способствовать масштабное проведение красноармейских маневров с освещением в прессе назначенным в 1928 году командующим Ленинградским военным округом М. Н. Тухачевским (об этом см.: Материалы для составления хроники культурной жизни Ленинграда на рубеже 1920-х и 1930-х гг. / Сост., вступ. статья Н. А. Гуськова; материалы ве-

специальных корреспондентов в условную воинскую часть, где они должны были взять интервью, с работой одновременно группы фронтового ТАСС, корпусной газеты и рабселькоров, взаимодействующих между собой, с привлечением иллюстраторов и печатью номеров газеты в типографии. Из всех перечисленных в книге вариантов проведенная Ленинградско-Балтийским отделением игра больше всего соответствует малой ускоренной военно-журналистской игре, что неудивительно, ведь времени на ее подготовку было очень мало. Военизаторские курсы организовывались в спешке, лекторов подбирали на ходу, план курсов тоже корректировали уже во время курсов. Малая журналистская игра проходила в один ход. Количество же запланированных Ленинградско-Балтийским отделением этапов варьировалось от двух до трех, в итоге было проведено два хода игры.

Книга «Журналист на войне» упоминалась в статье Свирина о военизаторских курсах и была использована при подготовке, но схему игры модифицировали. Трудности организации ответственный секретарь отделения связывал с тем, что «опыта в данной области у нас никакого не было и приходилось все строить заново».⁷

Основное качественное отличие, превратившее игру в военно-писательскую, состояло в наборе жанров: в журналистской игре участники брали интервью у командиров, в писательской составляли художественные очерки, создавали стихи. Для расширения набора жанров были даны задания и не имевшие целью выпуск газеты, — курсанты писали листовки, придумывали стихотворные лозунги для плакатов и создавали инсценировки для клубов частей. Часть же жанров оставалась общей для обоих типов игр (например, передовая статья, лозунги), для составления этих текстов были привлечены журналисты.

Уже проведенные ранее игры отличались как задачей (подготовкой журналистов), так и тем, что объединяли в состав играющих сотрудников одного предприятия. Военно-журналистские игры проводились в помещении редакции, более того, общение с внешним миром было запрещено. Писатели же уходили со своими заданиями домой. Изначально предполагалось, что после первого тренировочного хода участники будут работать в предоставленном Домом Красной армии помещении, не покидая его. Но этого не состоялось. Во многом работа писателей на дому была связана с занятостью их в разных организациях и сложностью согласования их отсутствия.

Играющих заранее предупредили о необходимости следить за прессой, поскольку ситуация начала игровой войны совпадала с текущим политическим положением. Первый ход соответствовал третьему дню военных действий и мобилизации, а второй — десятому дню. Схема проведения обоих ходов игры была одинаковой. Вечером после занятия на курсах писателям устно сообщали вводные данные (то есть давали сводку самых значительных событий, читали лозунги ЦК ВКП (б), листовки противника, выдержки из его прессы и др.). По легенде Франция и Англия побудили страны Прибалтики, Польшу и Румынию напасть на Советский Союз под предлогом того, что Советский Союз напал на Финляндию и Польшу. Но на самом деле это Польша и Финляндия напали на СССР 17 мая 1931 года.⁸ После сообщения обстановки курсантам выдавали персональные задания (учитывались творческие предпочтения участников) с указанием жанра, темы и объема будущего текста, в некоторых случаях были перечислены факты или проблемы, на которые необходимо было обратить внимание в работе. После этого играющие могли идти домой. С 11 вечера до часу ночи, а в некоторых случаях и утром прямо перед сдачей материала сообщали данные, корректирующие уже полученную информацию, для того чтобы писатели внесли изменения в текст.

черней «Красной газеты» за 1928 г. обработаны и предоставлены К. Б. Егоровой // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам (2011), <http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=LcbyDIUEeWk%3d&tabid=10460>. С. 883 и др.; дата обращения: 31.07.2019).

⁷ Свирина Н. Г. Вооружаем творческие кадры. Опыт военизации писателей в Ленинграде // ЛОКАФ. 1931. № 7: Июль. С. 159.

⁸ См. подробнее исходную обстановку в Приложении.

Утром необходимо было сдать материалы. Так создавались условия, приближенные к боевым. Писатели должны были быстро реагировать на меняющуюся ситуацию на игровом фронте и выполнять задания ночью, в свободное от основной работы время. Степень достоверности была высокой, нужная атмосфера поддерживалась и играющими (например, в дневниках самонаблюдения: «...по своему положению военнослужащего я в первый же день приму участие в боевых действиях. Значит мне придется писать в обстановке полевой, где нет подсобных справочников, учебников, а есть жизнь. Заметка пишется в ночь со 2 на 3 день мобилизации. Это я взял потому, что по своему служебному положению я другого времени не найду»), и организаторами («П. Пожарский порученного задания не представил, хотя в 11³⁰ ночи сообщил руководству, что оно выполнено. Вероятно, срочно выбыл на фронт»)⁹.

На работы играющих составлялись краткие отзывы, которые показывали, каким должно быть советское творчество о войне и для нужд войны. После каждого хода курсантов собирали и проводили общий обзор работ. По результатам проведения игры были выделены три основных группы допущенных ошибок: политические, военные и художественные,¹⁰ что показывает, в каких направлениях организаторы стремились скорректировать работы.

Проверка и оценка получившихся текстов была важной составляющей организации игры. Выполненные задания проверял, помимо самих членов объединения, преподаватель по курсу партийно-политической работы Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева Павел Васильевич Суслов.

Методисты игры составили список из пятнадцати возможных недостатков:

«Политическая неграмотность.

Военная неграмотность.

Несоблюдение военной тайны.

Шапкозакидательство. (Недооценка сил противника.)

Ура-патриотизм.

Лакировка.

Незнание противника.

Пессимизм.

Неконкретность.

Недостаток художественности (схематизм, сухость и т. д.).

Пацифизм.

Национально-шовинистические тона.

Приспособленчество.

Фантастика, неучет исходных и вводных данных.

Несоблюдение размера».¹¹

Проследим возможные источники этого списка.

Книга «Журналист на войне» конкретных критериев проверки не предлагала. Автор назвал основные недостатки в содержании выпущенных во время игр газет, большей частью они относились к работе редакторов, отбравших материал, в то время как в военно-писательской игре имелись заранее определенные персональные задания. Перечислю ошибки, которые могли иметь в виду и организаторы игры в Литературном объединении Красной армии и флота: недостаточная классовая четкость выводов, недооценка значения тыла в войне, незнание военной техники, фактические ошибки. Кадишев писал, что игры служили тренировке в секретности и сохранении военной тайны. Перечисленные недочеты и рекомендации можно классифицировать

⁹ Военно-писательская игра. Первый ход. Отчетные материалы. Работы и отзывы, хронометраж // ИРЛИ. Ф. 498.

¹⁰ В опубликованной версии статьи остался разбор политических и военных ошибок (Свиригин Н. Г. Вооружаем творческие кадры. Опыт военизации писателей в Ленинграде. С. 161–162), в черновом варианте речь шла и о художественных (Свиригин Н. Г. Опыт военизации писателей в Ленинграде // ИРЛИ. Ф. 498).

¹¹ Военно-писательская игра. Документы по организации игры // ИРЛИ. Ф. 498.

как политическую неграмотность, военную неграмотность и несоблюдение военной тайны. Все это вполне предсказуемые для военно-пропагандистского текста проблемы. К этой же группе можно присоединить незнание противника, т. е. незнание того, как правильно на него воздействовать. Возможно, недостаток был введен из-за специфики заданий (предполагалось составление агитационных листовок, обращенных пролетариату и солдатам вражеских стран).

Также Кадишевым были отмечены неудачные формулировки заглавий, они относятся к важному параметру при оценке художественных текстов, недостатку художественности. Этот недостаток в военно-писательской игре привлек пристальное внимание проверяющих и по числу упоминаний лишь незначительно уступил политической неграмотности, о которой речь в отзывах шла чаще всего. Отдельно отмечались штампы. Несмотря на краткость отзывов, проверяющие даже приводили примеры («мировая буржуазия», «достойный ответ», «военная гроза», «зоркий глаз пролетариата», «враги революции» и др.).¹² К замечаниям по поводу художественности примыкала неконкретность: обычно требовали ярких конкретных образов и конкретных примеров.

Отдельную группу составляют ошибки, обозначенные в списке как «фантастика, неучет исходных и вводных данных» и «несоблюдение размера». Их появление объяснимо с точки зрения механики игры: писатели должны были внимательно прочитать полученные данные и использовать именно их, ничего не добавляя и не меняя, а также выдать точно соответствующие по размеру тексты, поскольку из них составлялся макет газеты заранее определенного объема.

Требование избегать пессимизма вытекало из задач обеспечения мобилизации населения и привлечения добровольцев на фронт.

Оставшиеся шесть недостатков (шапкозакидательство (недооценка сил противника), ура-патриотизм, лакировка, пацифизм, национально-шовинистические тона и приспособленчество) можно отнести к политической неграмотности. Ура-патриотизм оказался единственным недостатком, ни разу не отмеченным в отзывах. Действительно, сложно представить, чтобы при проверке пропагандистского текста, написанного в обстановке игровой войны, было бы выдвинуто обвинение в избытке патриотизма и его неискренности.

Непонятное на первый взгляд появление такого спорного пункта в списке может быть объяснено стремлением избежать чужих ошибок. Теоретики объединения призвали изучать пропаганду западных стран и учитывать ее просчеты. Речь об ура-патриотизме шла при характеристике критиками-локафовцами военной пропаганды 1914 года.¹³ Н. Витин в статье о русской литературе 1914 года, описывая основные приемы царской агитации, говорил о национализме и намеренном представлении войны делом легким и быстрым, что можно обозначить как шапкозакидательство.¹⁴ То, что писатели во время Первой мировой войны искажали действительность, скрывая недостатки, отмечали несколько критиков.¹⁵

Опасения организаторов по поводу возможных недочетов во многом связаны с составом играющих. Свиринов в итоговой статье с разбором проведенной игры сообщал, что «среди курсантов были и не члены ЛОКАФ, причем несколько человек — таких, которых нельзя еще и сейчас принять в ЛОКАФ по характеру их творчества и по степени перестройки мировоззрения», более того, в черновике статьи было

¹² О стилистически неуместных штампах в творчестве локафовцев Е. А. Добренко писал как о признаке «дискурса власти на уровне высказывания», когда «разрешенные речевые массы связываются разнотипными способами» (Добренко Е. «Каждому хочется что-то творить...» // Добренко Е. Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993. С. 165).

¹³ См., например: Вальдман В. Война в западноевропейской художественной литературе // Залп. 1931. № 2. С. 52.

¹⁴ Витин Н. «Мы против кайзера идем!» (Русская литература в 1914 году) // Там же. № 1. С. 54, 55.

¹⁵ Например: Вальбе Б. Мировая война в дооктябрьской литературе // Там же. № 8. С. 48.

отмечено, что «основную массу курсантов составляли попутчики». ¹⁶ Такой потенциально ненадежный состав играющих объясняет включение в список возможного недостатка «приспособленчество». Именно в нем обычно обвиняли попутчиков, недостаточно оторвавшихся от буржуазии. Признаком чуждого класса считались шовинизм и пацифизм. Так, из номера в номер на обложке журнала «Залп» повторялась его установка: «ЖУРНАЛ <...> РАЗОБЛАЧАЕТ шовинизм и пацифизм западноевропейской военной художественной литературы, противопоставляя им большевистское, ленинское освещение национального вопроса и войны». ¹⁷ Л. В. Пумпянский в своей статье «Пацифизм в иностранной литературе» прояснил классовые нюансы отличий этих двух явлений: «Пацифизм — <...> социологически закономерная идеология мелкобуржуазной интеллигенции эпохи империалистических войн и пролетарских революций, столь же точно выражающая ее отношение к войне, как шовинизм выражает позицию буржуазии и буржуазной интеллигенции». ¹⁸ Так что эти три недостатка призваны были выявить классово враждебные буржуазные взгляды.

Таким образом, при проверке учитывались все возможные недочеты военной пропаганды. В отзывах отмечались и удачные моменты (в первую очередь классовая заостренность и эмоциональность). Судя по ним, работы курсантов ко второму ходу стали полнее соответствовать представлениям организаторов о правильном тексте. Игра оказалась методической находкой руководителей отделения, она позволила провести быстрое обучение разных по жизненному и профессиональному опыту писателей.

После завершения курсов и игр Свириин составил категоричные рекомендации всем отделениям Литературного объединения Красной армии и флота о необходимости с осени 1931 года запустить военизаторские курсы, причем он, учитывая опыт Ленинградско-Балтийского отделения и отмеченные недостатки в работе курсов, детально описал форму проведения занятий, выделил обязательные темы. То же касалось и проведенной при курсах игры. Он предлагал ее модифицировать. С его точки зрения, недостатками игры являлось то, что условную войну писатели воспринимали недостаточно серьезно, а результаты их работы нельзя было опубликовать без дополнительных пояснений. Свириин предложил решить новой игрой сразу две задачи — обучения писателей и снабжения советской литературы материалом о современном положении дел в армии и о прошедших войнах. Для решения этих задач обстановка принималась не условная, а реальная текущая или историческая. В первом случае упор делался на современные информационные войны или внутренние сложности Красной армии и флота, во втором давались вводные по значимым для Советского Союза битвам. Такая смена материала была действительно новаторским шагом и выводила игру из традиционно условного мира. ¹⁹ Эти планы должны были реализоваться если не во всех отделениях, то в Ленинградско-Балтийском. В ноябре начальником второго набора курсов, взамен получившего творческий отпуск Вишневецкого, был назначен А. Дьяконов. С 15 декабря второй набор был открыт. Занятия были рассчитаны на четыре с половиной месяца и имели насыщенную программу. Помимо основного потока, предлагалось четыре тематических семинара с добровольным посещением. Должны были быть проведены три игры, первая — о современной армии (тема игры «Борьба за овладение техникой»), вторая — историческая (тема «Выступление Юденича»), а третью собирались посвятить обслуживанию второго дня мобилизации. Неожиданной для организаторов оказалась низкая посещаемость, и из 124 человек к 1 апреля отселилось 89. В итоге курсы были закрыты до проведения игр, а из этого опыта были сделаны выводы по их модернизации в следующем году. Но в октябре 1932 года в связи с Постановлением ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественной работы в литературе» были отменены курсы и игры.

¹⁶ Свириин Н. Г. Вооружаем творческие кадры. Опыт военизации писателей в Ленинграде. С. 157; Свириин Н. Г. Опыт военизации писателей в Ленинграде // ИРЛИ. Ф. 498.

¹⁷ Залп. 1931. № 1. С. 3 обл. и др.

¹⁸ Пумпянский Л. В. Пацифизм в иностранной литературе // Залп. 1931. № 4. С. 41.

¹⁹ Свириин Н. Г. Вооружаем творческие кадры. Опыт военизации писателей в Ленинграде. С. 163–165.

ственных организаций» объединение было распущено. Таким образом, рассмотренная военно-писательская игра оказалась единственной, проведенной Ленинградско-Балтийским отделением Литературного объединения Красной армии и флота.

Ниже публикуется фрагмент методических материалов военно-писательской игры — документ, описывающий исходную обстановку игровой войны на 3 день мобилизации. Источник хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (ф. 498). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

5 экз.

Военно-литературная игра ЛОКАФ 19/V/31 г. ИСХОДНАЯ ОБСТАНОВКА ВОЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ИГРЫ ЛОКАФ ПО СОСТОЯНИЮ НА 3 ДЕНЬ МОБИЛИЗАЦИИ

Сообщается всем участникам устно.

1) Экономический кризис в странах капитала и успешное выполнение пятилетнего плана социалистического строительства в СССР привело капиталистический мир в бешеную ярость. Убедившись в бесплодности провокационных кампаний, ФРАНЦИЯ и АНГЛИЯ побудили прибалтийские государства, Польшу и Румынию начать вооруженное выступление против СССР под предлогом, что большевики напали на Финляндию и Польшу.

17 июня финские войска силою около дивизии перешли границу на Карельском перешейке и после упорнейшего 5-ти часового боя подошедшими подкреплениями Красной армии были отброшены на территорию Финляндии.

Польская авиация в этот же день совершила налет на Минск.

Ответные действия Красной армии истолковываются капиталистической прессой как нападение СССР на Польшу и Финляндию.

2) Германия за ряд обещанных ей уступок (пересмотр обязательств по долгам, увеличение армии и разрешение введения воинской повинности) и за ряд экономических льгот пропускает транзитом грузы в Польшу.

3) Турция отвергла предложение Франции участвовать в войне, ссылаясь на договорные обязательства СССР, но гарантий непропуска французских и английских эскадр через Дарданеллы к берегам СССР у нас нет.

4) Япония сохраняет нейтралитет, но нужно ждать возможности ее выступления, в случае если она договорится с Соединенными Штатами. — Позиция Италии пока не выяснена.

5) Во Франции, Англии, Польше, Румынии, Латвии, Эстонии и Финляндии задержаны все дипломатические и торговые советские организации, грузы, почта и корабли.

6) Соединенные Штаты заявили о своем нейтралитете, но разрешили отдельным добровольцам отправиться на фронт. Ряд американских трестов берет на себя военные поставки для армий, выступивших против СССР.

7) Англия отправляет часть Атлантической эскадры в Финский залив, Франция отправляет часть Среднеморских сил в Черное море, в порты Румынии.